

<http://www.kommersant.ru/doc.html?DocID=632146&Issued=23577>

Коммерсант

№ 228 (№ 3312) от 03.12.2005, СБ

Культура и спорт

Один застрял в дверях, другая -- в углу

// В Москве показывают современную хореографию

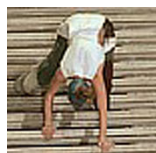
Третьяковка на Крымском валу обзавелась временными экспонатами — кинетической скульптурой работы Андреа Хенги

Фото: [Александр Миридонов / Коммерсантъ](#)

фестиваль танец

Сразу в двух местах (в Театре Луны и в Третьяковке на Крымском валу) при поддержке Фонда Форда открылся ЦЕХ – V Фестиваль театров современного танца. Побывав на обеих площадках, ТАТЬЯНА Ъ-КУЗНЕЦОВА констатировала высокий спрос на "цеховую" продукцию любого качества.

Рост общественного интереса к современному танцу – главное, чем могут гордиться "цеховики", за пять лет своего существования приучившие московскую публику терпеливо и вдумчиво поглощать любые "самоопределения художественной формы" (так сформулировал задачу ЦЕХа его создатель и постоянный модератор Александр Пепеляев). В первый день фестиваля "форма" материализовалась в виде американки Андреа Хенги, самоопределявшейся в фойе и на лестничных площадках Третьяковской галереи с помощью перформанса "Под чьим контролем", и самого господина Пепеляева, представившего спектакль "Двери" на сцене Театра Луны.

Госпожа Хенги, находясь под впечатлением афоризма некоего философа Чорана, изрекшего, что "жить – значит быть загнанным в угол", уже ставила свой перформанс где-то в офисах на Манхэттене. Для московской версии она намеревалась русско-украинские кадры и с немалым трудом выискала в необозримых просторах "новой" Третьяковки подходящий угол, куда и загнала их после долгих скитаний по

фойе, лестницам и обширным балконам. Из-за скудности пластического содержания (с первого этажа на третий девять участников перформанса перебирались преимущественно с помощью ползания и бега, время от времени замирая, чтобы позволить публике догнать себя), главным аттракционом для зрителей могло бы стать само преследование артистов или роскошные возможности места действия. Но не стало: не склонная к импровизациям госпожа Хенги не обыграла ни красный рояль, ни пролеты лестниц, ни попадающиеся на пути скульптуры, ни живые экспонаты Третьяковки вроде охранников или музейных работниц, с крайним неодобрением взиравших на выламывающихся мужиков в юбках и девок в полупрозрачных штанах и на глазающую на это почтительную толпу. Включи хореография этих невольных участников в свой перформанс, они разом оживили бы схоластическое действо, а заодно показали, "под чьим контролем" находится современное искусство.

Но автор, не обращая внимания на московские реалии, упорно загоняла себя в вожделенный угол. В нем оказалась выгородка в форме угла, на которую проецировался видеоряд, самым запоминающимся образом которого было мытье рук, показанное так крупно, что пальцы в пене казались влагалищем, а обмылок в них – головкой рождающегося младенца. На этом впечатляющем фоне завербованные волонтеры побрыкались еще с полчаса, прежде чем окончательно сдать позиции актуального театра умелому видео.

В тот же вечер в Театре Луны компьютерное видео играло подсобную роль, воспроизводя на экране-заднике множество дверей, установленных на сцене. В спектакле "Двери", посвященном столетию Даниила Хармса, Александр Пепеляев разбирался со смыслом и предназначением "искусства танца" и "искусства двери". Стоит признать, что танца в его спектаклях стало больше, но искусством он от этого не сделался. Обзаведясь новыми артистами (эстонки Хелен Рейтсник и Алиса Шнайдер – сущее сокровище для любого хореографа) и переименовав по этому случаю свою труппу "Кинетик" в универсально-международный Apparatus, господин Пепеляев остался тем же кустарем, каким был 15 лет назад, когда бился об стены московских коммуналок, изображая кафкианское насекомое. Сотрудничая с эстонцами и финнами, он научился придавать своему самоопределению цивилизованную форму (за счет сценографии, костюмов и профессионализма танцовщиков), однако ни поставить хореографию, ни выстроить спектакль режиссерски, ни хотя бы развить заявленные идеи у него по-прежнему не хватает не то терпения, не то умения.

В "Дверях" господин Пепеляев застрял на экспозиции. Поманив богатыми возможностями закрытых, распахнутых и хлопающих дверей, выпустив артистов в многообещающе сложной мизансцене (кто-то прячется за притолокой, кто-то крадется на цыпочках, кто-то подсматривает, подслушивает, кто-то приглашает выпить водки, кто-то интересуется: "Бог есть?"), господин Пепеляев исчерпал свою фантазию. Остальное действие превратилось в пепеляевский бенефис, дайджест его предыдущих работ. Тут и кочующие из спектакля в спектакль подтанцовки, и личные штампы (хореограф решил потряхнуть стариной и выступить в качестве артиста) в виде гримас, рычаний и старомодного хлопотания физиономией, и хармсовские реплики, которыми господин Пепеляев вытягивал не одну свою работу. И когда в десятый раз артисты, услышав стук, восклицают: "Кто там?", так и хочется ответить: "Сто грамм!", налить, выпить и закусить "отрезанным куском пространства", которое, по убеждению господина Пепеляева, и является "искусством танца".

